

Виталий Каплан

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Виталий Каплан
На всякий случай

«Автор»

1999

Каплан В. М.

На всякий случай / В. М. Каплан — «Автор», 1999

Мир вроде бы наш, но история пошла совсем другим путём в незапамятные времена, когда в древней Греции только-только появилась цивилизация. В результате многое как у нас — телевизоры, самолёты, компьютеры, но — не везде. Есть в Эгейском море остров, жители которого от века несут особую миссию, стоят на страже мирового порядка, не допуская, чтобы древнее хтоническое зло, символ которого — дракон, вырвалось на волю и погубило мир. Но двенадцатилетнему Ясону — Яське — не слишком-то хочется следовать уготованной ему судьбе... Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 1999

© Автор, 1999

Содержание

1.	5
2.	7
3.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Виталий Каплан

На всякий случай

1.

Услышав голоса, он понял, что отступать поздно.

Плотная парусина надежно скрывала тело, но звуки задержать не могла. Оставалось дышать украдкой, медленно-медленно, по крайней мере пока не отойдут подальше от берега. А там уж видно будет.

– Как думаешь, до полуночи вернемся?

Это Лара, ее чуть хриловатый, но мягкий голос. Точно короткие ворсинки на желтовато-розовой шкуре персика. Он знает, персики изредка привозили на остров. Тяжелые, неуклюжие жуки-плавунцы, просмоленные грузовые баркасы. Они ползут неспешно, за «Голкондой» им, конечно, не угнаться. Особенно если поставить парус... Сейчас-то смысла нет, безветренная жара держится с июня. Только на веслах... Оно и к лучшему – иначе как под сложенным парусом здесь не спрячешься. Все-таки «Голконда» – не яхта и уж тем более не торговая шхуна...

– А почему нет? – Леон коротко рассмеялся. Его смех был похож на россыпь мелких стальных шариков. Такие шарики ценились. – Почему нет? Видишь, солнце еще не скоро сядет, времени вполне достаточно... Это же недалеко.

– А там?

– А что там? Там как всегда. Тысячи раз успевали, что изменится сегодня?

– Ну... Это же все-таки не рыбалка... Оттуда лучше вернуться до полуночи. Люди зря говорить не станут.

– Люди много чего зря говорят, – проворчал Леон. – Ладно, раз-два, взяли...

Лодка вздрогнула, проскрипела острым килем по прибрежному песку и мягко закачалась на волне. А потом два раза дернулась – это залезали Лара с Леоном. И заскользила, побежала вдаль, где море становится небом, а небо – морем. Весел почти и не было слышно, включения смазаны тягучим черным маслом.

– Мать-то в курсе, где ты? – очень ровным голосом поинтересовался Леон.

– Ну, я сказала, что с тобой... – замялась Лара. – И все, больше ничего не уточняла...

– А чего там уточнять? В поселке все знают, что сегодня мое дежурство. Сложить яйца фактов в корзину выводов, понимаешь ли, несложно. И твоя мама это великолепно умеет делать. Так что готовься к головомойке.

– За что? – Лара изобразила голосом недоумение. Получилось весьма похоже.

– Во-первых, за то, _куда_ отправилась. А во-вторых, не сказала об этом.

– Ну и что? Мне не двенадцать лет, сама решаю.

– Вот маму и убеждай. Только вряд ли она убедится. «Одно дело мужики, это их такая доля, а какого беса ты лезешь... Вечно умудряешься впутаться не в одно, так в другое»... – Леон чуть изменил тембр, и вышло в самом деле точь-в-точь как у тети Алины.

– Я одно знаю, – ядовито усмехнулась Лара, – вы с мамой когда-нибудь найдете полное взаимопонимание. Ты такой же нервный и пугливый.

– Не пугливый, а предусмотрительный, – вскинулся Леон. – И ты прекрасно понимаешь разницу.

– Угу. А Яську ты тоже из предусмотрительности не взял? Он так просился...

...Под парусом было жарко и пыльно, и очень хотелось чихнуть. Но нельзя, надо терпеть. Тем более сейчас.

– Яську? Рано ему еще. В свое время – другой разговор, когда и все... А пока – не вижу смысла. И вообще... Сама посуди – только Яськи нам с тобой сейчас и не хватало...

Вот так, значит... Лишний, значит... Ну что ж, немного еще обожди, братец... Как обещать, так горазд, а выпало, наконец, дежурство – и третий лишний, да? Ничего, в другой раз будете с Ларой целоваться...

Обида щипала глаза, но приходилось молчать. И вслушиваться в слабый плеск весел, в отдаленные птичьи крики. Сейчас они тихие, чайки. Тоже, значит, жара на них действует... Как и на собак, и на кошек. Про людей и говорить нечего, все понятно.

...Постепенно звук весел растаял, растворился в огромном теплом пространстве без верха и низа, птицы острыми белыми иглами прошивали его насквозь, дрожащими волнами перекачивался тугой воздух – и нес длинный силуэт «Голконды», все время вверх и вверх...

2.

– Вылезай, чучело! – крепкий пинок пришелся точнехонько пониже спины. Леон всегда отличался меткостью. – И нечего глаза пялить! Тоже мне, неоприходованный груз. Главное, храпит как трактор, шелупонь мелкая!

Делать нечего, Яська, мысленно чертыхаясь, выбрался из-под парусины и заморгал, принаравливаясь к хоть и зависшему над горизонтом, но все еще жгучему и слепящему солнцу. Майка встопорщилась, сползла на левое плечо, в волосах запуталась какая-то дрянь – то ли стружка, то ли конопляные нити. Язык пересох и прилип к гортани.

– И он еще дуется! Нет, ты посмотри на него! Ясно же было сказано: нельзя сейчас со мной. Понимаешь такое слово: нельзя? Ни фига ты не понимаешь. Ну и чего теперь с ним делать, Лара? Может, утопим?

Короткий, с едва заметной хрипотцой смешок. Интересно, а Леон, когда слышит ее голос, тоже думает о шкурке персика?

– Ну как его утопишь? Он же плавает как селедка.

– Не проблема, – махнул рукой Леон. – К шее чего-нибудь принайтуем... Блин, да тут и хлама-то не найти, все нужное... Разве что руки-ноги связать... Бечевки жалко... Нет, ну откуда он взялся, такой урод? У всех братья как братья, только у меня оболтус.

Хлопок двумя тесно сложенными пальцами по затылку. Это еще чепуха, это не больно.

– Это еще чепуха! – в тон его мыслям отозвался Леон. – Дома получишь по полной программе. И от меня, и от бати...

Вспомнив об узком черном ремешке, Яська заметно погрузтел. Впрочем, и это еще не самое худшее.

– Ну ладно, – мрачно пробубнил он, ерзая на банке. – Только ты маме не говори.

Леон присвистнул.

– Всегда знал, что ты дурак, но ты дура-а-к! Мы же вернемся только к полуночи, за это время мама сто раз с ума сойти успеет. – Он пристально поглядел на Лару: давай, мол, поддержи педагогику, врежь с флангов.

Лара промолчала, но укоризненно качнула головой. Глаза у нее были серьезными.

– Да мама ни про чего не подумает! – вскинулся Яська. – Ей Алекс скажет, что я с ребятами к Дальнему Роднику пошел, и на обратном пути мы во дворе у дяди Пелея заночуем. Если слишком припозднимся.

– Та-а-к, – сумрачно заметил Леон. – Значит, еще и Алекса драть... Ну почему с вами столько проблем, а?

– А чего Алекс? – насупился Яська. – Он тут вообще ни при чем. И вообще, что ты сразу начинаешь наезжать? Маму бы пожалел, зачем ей лишние нервы? Я же вот не сказал ей, чем ты вчера утром занимался...

Это был рискованный ход. В море бы, конечно, Леон не выкинул, но в смысле всего остального мог и не ждать возвращения. А сложенный вдвое просмоленный канат... Печальный опыт у Яски уже имелся. Однако сработало. Братец поморщился, сплюнул за борт и хмуро изрек:

– Ну и фиг с тобой. Чего уставился, обормот? Живо дуй на весла. Я, выходит, тебя еще и катать должен? Раз уж так вышло, поскрипишь на благо общества.

Скрывая улыбку победителя, Яська молча перебрался на центральную банку, ухватил гладкие, отполированные до блеска весла...

– Лео, а что, кстати, стряслось вчера утром? – не преминула уточнить Лара. Подобрав края короткого, почти до колен ситцевого платья, она пересела на корму. Ее загорелые, точно вырезанные из кипариса ноги можно было разглядывать бесконечно. Но не стоило. Яська

потупился. Брат вполне мог проследить направление взгляда... Иногда он становился понастоящему бешеным, и тогда никакие слова не спасали.

— Да ничего такого не было, — хмыкнул Леон. — Сети проверял. А мелкий просто сочиняет из вредности.

Яська мог бы уточнить, где, а главное, с кем «проверялись сети», но благоразумно промолчал. В конце концов, все получилось очень даже неплохо. Он таки окажется на Запретке, и, возможно, наконец узнает, в чем там зарыта собака. Обидно ведь, все взрослые в курсе, но упорно не говорят. Кто окрысится и даст подзатыльник, кто отшутится, а чаще всего просто молча отвернется. Среди ребят, разумеется, ходило много версий, но только Яська не очень-то им доверял. Как сочиняются такие страшилки, он великолепно знал по себе. Хотелось правды. А вопросов за двенадцать лет накопилось изрядно. Почему никому, кроме дежурных, нельзя плавать на Запретку? Почему о Запретке неприлично говорить? Почему с острова нет дороги на Континент? А как же тогда торговые шхуны? Или отсюда туда нельзя, а наоборот — можно? Но тогда почему кроме торговцев никто никогда здесь не появляется? Настоящую, большую жизнь видишь только на стареньком, черно-белом телевизоре. У дяди Солона, поселкового старосты, цветной, но Яська его ни разу в жизни не смотрел. Ведь так вот запросто к дяде Солону в гости не зайдешь... В лучшем случае взашей погонят... И все эти большие белые города, стадионы и тем более вертолеты кажутся захватывающей сказкой. Но не из тех, что при жизни рассказывал дедушка Омир. Иначе, совсем иначе.

3.

Запретка показалась, когда багровый солнечный мяч едва не укатился под горизонт. Низкая, едва различимая в серых волнах полоска земли.

– Дуй на корму, – велел Леон. – Дальше я сам, а ты только покарябаешься. Тут форватер непростой, – объясняюще улыбнулся он Ларе.

Яська не стал спорить. Об этих местах ходили всякие разговоры. Ладно ребячьи рассказы, всякие там морские чудовища с огненными глазами, смыкающиеся скалы, птицы с острыми медными перьями и старушечьими головами, но и взрослые нет-нет да обмолвятся. Да тот же батя хотя бы, особенно после пива... Дно здесь жило своей непонятной жизнью, вчерашняя мель сегодня уже могла бесследно исчезнуть, а там, где раньше спокойно проходил баркас, вырастали длинные и острые каменные зубы. Смерч, падающий с неба среди тишины и безветрия, бешеные подводные течения, внезапно появляющиеся и столь же внезапно исчезающие... Говорили, и компас тут порой бесполезен, и часы... Впрочем, окрестности Запретки никого особо и не волновали. Рыба тут ловилась плохо, торговые шхуны к острову всегда приходили с юга, а в эти края и не заглядывали... Никто, кроме дежурных, и не мог проверить на собственной шкуре правдивость слухов.

Сегодня, однако, неожиданностей не случилось. Уверенными сильными гребками Леон гнал «Голконду» вперед, прямо к бурым камням. Время от времени, он, правда, замедлял, точно прислушиваясь к чему-то, и слегка табанил то одним, то другим веслом. И вскоре киль зашуршал о прибрежный песок.

– Приехали, – криво усмехнулся Леон. – Вылазьте.

Легко и уверенно Лара перемахнула через борт и мягко спружинила на песке. Правда, юбка ее при этом сильно всколыхнулась, и Яська нехотя отвернулся. Но лишь потому, что рядом стоял брат.

– Ну, чего замер? – не замедлил тот проявиться. – Моря, что ли, не видел? Помогай выволакивать!

Навалившись, они втроем рванули тяжелый корпус «Голконды». Вновь мягко затрещал о днище песок. Леон, размотав крепкий, толщиной в большой палец канат, обвязал его вокруг здорового валуна. Теперь лодку могло утянуть разве что внезапным штормом.

– Ну... Пойдемте, – выдохнул он негромко и даже, как показалось Яське, слегка растерянно.

Сейчас! Сейчас откроются все тайны! В животе стало вдруг холодно, и сразу захотелось двух совершенно разных вещей. Домой – и по-маленькому. Но делать нечего, сам вляпался в это дело, задний ход не дашь... И Яська молча зашагал вслед за Леоном и Ларой.

...Идти пришлось довольно долго. Раньше он полагал, что Запретка – это маленький островок, клякса суши в бескрайних водах. Все оказалось иначе.

Места действительно были странные. Во-первых, ни одного деревца, да что там деревца – ни кустика, ни даже клочка травы! В поселке-то все утопало в зелени, далеко, на многие стадии, тянулись сады, огороды, пашня, темнели на горизонте леса. А тут – как на Луне. Вывороченные камни, огромные черные валуны и россыпью кремнистая мелочь, в таких только дырочку вертеть да на шею вешать. Вздвигавшаяся, в трещинах, земля. Глубокие, необъятных размеров ямы. Даже дна не видно. Там, наверное, плещется черная, маслянистая вода. Если еще не высохла в этакую-то жару. Широкие, по пояс глубиной рвы, под странными углами пересекающие друг друга. А вдали, у горизонта – невысокие, приземистые скалы.

– Здесь что, землетрясение было? – шепотом спросил Яська. – Как по телеку показывали, в Аппенинах?

– Заткнись, – коротко, почти не двигая губами, отозвался Леон. Яська подумал, стоит ли обижаться, и решил, что не стоит. Обиду можно попридержать в запасе. А сейчас он вертел головой, таращил глаза на мрачные, ни на что не похожие окрестности. Ощущение тайны росло в нем, внезапными мурашками проскальзывало по коже, и чем дальше, тем яснее он чувствовал: ничего веселого в этой тайне не будет.

Он оглянулся. Солнце уже целиком утонуло под горизонтом, но дымно-красное зарево раскинулось на полнеба, длинными багровыми пальцами дотягиваясь чуть ли не до зенита. Легкие, едва различимые пятнышки облаков окаймляли юго-запад, и это не обещало ничего хорошего, в таких делах на острове разбирались даже младенцы.

Было еще довольно светло, но удлинились и заострились похожие на чьи-то черные языки тени, воздух, все еще теплый, сделался невероятно прозрачным и тонким, все стало четким как на картинке в школьном учебнике. А еще давила тишина. Молчали чайки, молчало небо, а привычный рокот моря уже и не замечался. Только скрип шагов по мертвой каменистой земле. Яська, понятное дело, шлепал босиком, но у Лары были башмаки, а у Леона – невысокие кожаные сапожки, он одевал их нечасто – берёг. А через плечо у него болталась маленькая, из плотного брезента сумочка. Что там внутри, Яська не знал. Прошлой зимой он чуть было не проник в тайну брезентовой сумки, но кончилось это нехорошо. А брат с тех пор запирает ее в шкафу.

– Стоп, – внезапно махнул рукой Леон. – Мы пришли.

Они остановились возле приземистого бетонного куба, раза в полтора выше Леона. Казалось, он появился из ничего – еще секунду назад Яська его не видел. Камни и овраги, овраги и камни – и вдруг _это_. Бугристая серовато-желтая поверхность в подтеках птичьего помета, стены стоят не совсем ровно, они слегка расширяются к земле и точно вплавлены в нее, наверху едва заметный уклон, наверное, чтобы стекала вода. Никаких окон, лишь узкая железная дверца. Яська бы еще прошел нормально, а вот Ларе и тем более Леону пришлось бы сгибаться. Или идти на корточках. Яська представил ковыляющего на корточках Леона и хихикнул. Мысленно. Любые звуки сейчас и впрямь казались лишними.

– Ребята, – разбил хрупкое молчание Леон, – вы действительно хотите это видеть? Ладно я, долг и все такое, но вам-то зачем? Может, подождете меня тут, перекурите...

– Я не курю! – подумав, заявил Яська.

– Да? – прищурившись, оглядел его с ног до головы Леон. – Интересно, кого это весной за ухо привел учитель Евмен? За кого он батюшке плешь проел, а?

Яська понуро опустил глаза и принялся разглядывать свои ноги. Загорелые, просоленные, с подсохшими царапинами.

– Я же только один раз... только попробовал... Это же не считается... А с тех пор я больше никогда...

– Какой воспитанный ребенок! – усмехнулся Леон. – Всегда бы так. В общем, ребята, смотрите сами. Я вас предупредил.

– Лео, уж наверное, я не затем с тобой напросилась, чтобы сейчас стенку подпирать, – решительно заявила Лара. – Согласись, для поцелуев обстановка не самая удачная, – она метнула короткий озорной взгляд в сторону Яски. Непонятно было, что она назвала обстановкой – безжизненные каменные россыпи или босоногого растрепанного свидетеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.